

— Пришел завершить начатое?

После этого вопроса воздух вокруг нас неуловимо изменился. Человек в красном был слишком профессионален, чтобы внешне проявить напряжение, но толпа телохранителей и личных помощников — нет. Руки поползли к мечам, рты сжались, а воздух в комнате стал густым и тяжелым от нарастающего нетерпения.

В голове мелькнула мысль, что я вполне могу умереть здесь. Гемон был явно дезинформирован, но его смертельное состояние полностью меняло картину. Не думаю, что этот пузатый мужчина из вредности заберет меня с собой.

Я не боялся. Возможно, когда-нибудь страх смерти вернется. Но я все еще чувствовал себя странно отрешенным. Страх не было. Только гнев. И странное, томительное, освобождающее желание запалить любой фитиль, не жалея пороховую бочку.

Человек в красном слегка пошевелился, и я сфокусировал на нем взгляд. Поднял кулак вверх, затем раздвинул его в жесте взрыва, одарив его злобной улыбкой. Мой посыл был ясен. Я не собираюсь упрощать ситуацию, если уж на то пошло. И может быть, даже наверняка, я заберу его с собой. Это было скорее опрометчиво, чем сдержанно, но мужчина зашевелился, впервые выглядя неуверенно.

Я проигнорировал его, повернувшись к Гемону. — Я бы сказал, что мне жаль видеть вас таким... трагически ослабленным, советник. — Я уставился на него. — Но это была бы ложь.

Его смех был слабым, хриплым звуком, переходящим в кашель. — Вижу, ты показываешь свое истинное лицо.

Я посмотрел в сторону человека в красном. — Со всеми вашими грандиозными заявлениями и изворотливостью на суде я думал, что вы, по крайней мере, будете достаточно последовательны, чтобы никогда не нанимать человека на работу. Так что не надо говорить мне об истинных взглядах, когда вы даже не можете придерживаться своих недалеких идеалов.

— Окажи мне уважение, которого я заслуживаю! — огрызнулся он.

— Верните мой кинжал, и я это сделаю.

В комнате возникло опасное напряжение. Мне было не по себе от того, что я нагнетал обстановку, но это не было бессмысленным усилием. На суде Гемона было относительно легко вывести из равновесия. После нескольких смертей мне уже было не до того, чтобы скрывать это.

Ярость разом улетучилась из его затуманенных глаз. Он поник, затем указал на стул, стоявший у изножья его кровати.

Мужчина в красном двинулся одновременно со мной, держась параллельно. Его движения были отработанными и легкими. Меня осенило, почему. Несмотря на расстояние почти в три фута, он оставался в пределах дистанции, на которой, как он был уверен, мог убить меня прежде, чем я убью Гемона.

Мысленно заставив себя умерить враждебность, я сел на стул.

Скажу что-нибудь приятное.

Я указал на амебу на его лице. — Это выглядит... неприятно.

Гемон фыркнул. — В теории, она должна очищать и обогащать воздух. На практике это все равно что дышать через мокрое полотенце, если бы полотенце постоянно пыталось отыметь тебя в горло. — Как бы в подтверждение его слов, каждый раз, когда он вдыхал, часть слизи всасывалась внутрь.

Действительно, неприятно.

— Что произошло? — спросил я.

— Яд. Особенно отвратительный яд, сделанный из шляпок гарроты. — Он посмотрел на меня. — Именно на такой бесхребетный, дерьмовый метод ты и способен.

Я моргнул. Шляпки гарроты были ценны своими почти божественными лечебными свойствами, когда дело доходило до борьбы с ядом. Лилиан поведала мне о том примечательном факте, что они опасны при применении в больших концентрациях, и это было обнаружено совсем недавно. Это открытие сделал неудачливый и недолговечный правитель, которого постоянно травил враги. В конце концов он умер от того, что принимал порошок из шляпок с каждым приемом пищи. Использовать их для убийства было не только неэффективно, но и расточительно и сомнительно с моральной точки зрения, даже для яда.

Гемон покачал головой, когда сказал это. — Хьюго нашел их в небольшой пещере неподалеку от того места, где ты и тот красный аптекарь добываете ингредиенты. И я знаю, что ты вполне компетентен, чтобы изготовить такой яд.

Я обдумал это, отложив этот кусочек информации на потом. — Доступ к ингредиентам и умение? Конечно. Но я не был на расстоянии плевка от вас уже несколько месяцев.

Его лицо омрачилось, как будто он решал, сколько значения придать моим словам. — Было одно время, когда мы пересекались, и покушение произошло именно в это время.

— Когда?

— Несколько недель назад я встретился с Ралакосом на встрече в его поместье. Там было вино, и через несколько часов я начал мочиться кровью, — сказал Гемон, и вдруг я кое-что вспомнил. Ралакос прогнал меня подальше, полушутя, что скоро прибудет мой смертельный враг, и я должен сделать так, чтобы меня не было видно. Тотчас его версия показалась мне гораздо правдоподобней.

— Как бы я не ненавидел его, Ралакос не глуп. — Гемон тяжело вздохнул. — Особенно когда речь идет о государственных делах. Если бы он хотел покончить с моей жизнью тихо, это не было бы так небрежно. Это произошло бы далеко, далеко от него, с железным алиби на всякий случай.

Если только его намерением не было вовлечь меня в преступление, — прошептала моя паранойя.

— И вы предположили, что я буду таким неосторожным? — Я поднял бровь.

— Ты ребенок. — Он отмахнулся от моей насмешки. — Дети постоянно совершают ошибки. Это свойственно им. Во всяком случае, чаще, чем верховный советник.

— А я-то думал, что на суде дал понять, что я не просто ребенок, с которым можно играть.

Он замолчал, пытаясь дышать через мембрану, закрывающую нос и рот.

— Всё еще думаете, что это я вас отравил? — спросил я.

— ... Нет, — ответил Гемон, раздражение ясно читалось на его лице. — Если только эта встреча каким-то образом не закончится моей смертью. Я ждал продолжения. — Он жестом указал на своих охранников и укрепления. — То, что ты вошел через парадную дверь, поставило жирную точку в этой теории.

— Борода Эльфиона. Мы действительно в чем-то сошлись. — Я откинулся на стуле. Передние ножки оторвались от земли и с тупым скрежетом опустились обратно.

— Как неудачно, — проворчал Гемон.

— Вы умираете? — спросил я.

Его рот сжался. — Это просто другая смерть. Мне всегда будет нужно все это. Даже если я не умру, жизнь никогда не будет прежней. Он поднял руку и потряс трубкой.

— Я уже слышал вас. И согласен. Но если делать ставку, как вы думаете, насколько, вероятно, что Ралакос причастен к произошедшему с вами? — спросил я.

— Прямо сейчас? — Гемон посмотрел сквозь щели своего заколоченного окна на мир снаружи.
— Я бы ни хрена не поставил.

Я тренировался во дворе Ралакоса с Джоррой. К тому времени он уже знал, что что-то не так. Мы проводили спарринги, звон деревянных мечей разносился по всей округе. Я убеждал себя, что все в порядке. Что я в безопасности. Что когда надпись заживет, мне больше не придется беспокоиться.

Но знание того, что чего-то не случится в будущем, не избавляло от воспоминаний из прошлого.

Почему было так жарко? Аурическое солнце палило вовсю, заставляя меня обливаться потом. Джорра стоял относительно неподвижно, его брови озабоченно морщились.

Идиот. Зачем он вернулся за мной. Чертов идиот.

Я ударил его мечом по лбу. Он отшатнулся назад, его глаза сверкнули.

— Хороший удар, — сказал Эрдос откуда-то сбоку.

Но я проигнорировал похвалу. Я двинулся на Джорру, наращивая преимущество. Я лучше владел мечом, но с маленьким отрывом. Он не обращал на меня внимания, потому что чувствовал, что что-то не так. Его беспокойство было бесполезно для меня.

Голос, где-то в глубине моей головы, шептал нечто о том, как неразумно я поступаю. Джорра вернулся, чтобы спасти меня. Он был моим другом.

У короля нет друзей. У него есть союзники.

Я злобно замахнулся, целясь не в Джорру, а в его тренировочный меч. Он раскололся, вырвавшись из его хватки, и взвился в воздухе. Я вызвал поток воздуха, ударив им в грудь. Джорра откатился в сторону и поднялся, прижав руку к груди. В его глазах появился огонь, которого так не хватало, беспокойство и сострадание исчезли.

В лицо мне полетело лезвие воды, я увернулся от него, но вместо того, чтобы достать тренировочный клинок, Джорра бросился на меня, схватил за ноги и повалил на землю.

— Кэрн, прекрати...

Я разорвал его хватку, пытаюсь вывернуться.

Ему удалось обхватить меня и обнять за шею, а другой рукой он вдавил мое горло, перекрывая кровоток.

— Пожалуйста, остановись, — сказал он.

Но меня здесь уже не было.

Я снова находился в пещере. Асмодиалы толпились вокруг меня. Кожаный ремень медленно затягивался на моей шее, так медленно, что я даже не был уверен, что это не просто воображение, пока вена на лбу не запульсировала, когда сердце забилося, сопротивляясь путам. Руки и ноги были связаны.

И все же ремень затянулся. Мои глаза начали выпучиваться. Я протянул дрожащую руку, призывая воздух к себе, пытаюсь набрать его в легкие. Они сняли оковы, мешавшие мне колдовать. Успех был ничтожен. Воздуха было слишком мало, как капель дождя для человека в пустыне. В конце концов, мои глаза начали закатываться назад. Разум растянулся как резинка.

Вспомнилось прохладное прикосновение Майи, ее легкие пальцы на моей шее. Как они очищали мысли и боль. Майи здесь не было, но в те мгновения перед тем, как я потерял сознание, я почти ощущал ее рядом, она держала меня за руку, желая, чтобы мой разум не разрушился окончательно.

Медленно агония уступила место эйфории. Прилив эмоций, настолько чистых, прекрасных и светлых, что они почти прогнали темноту. Смерть была близка. Так близка, очень, очень близка. Как я жаждал ее. Потянулся к ней. В темноте пещеры черное чудовище потянулось назад.

Потом ремень ослаб. Безгубый асмодиал со рваной повязкой на глазах и с лицом, похожим на поверхность захолустной дороги, впечатал свой кулак мне в живот.

Они оставили меня там, задыхающегося и пытающегося втянуть воздух, хотя он не поступал, на грани между жизнью и бессознательным состоянием.

Только когда я был в нескольких мгновениях от окончательного восстановления дыхания, ремень снова начинали затягивать.

Должно быть, выражение моего лица их забавляло. Потому что они смеялись. О, как они смеялись. Архидемон наблюдал из другого конца комнаты, не проявляя интереса. Они уже давно перестали задавать вопросы. А если и задавали, то они были краткими. Наконец до меня дошло, что асмодиалы не ожидали, что я им что-то расскажу.

Им было всё равно.

Они улыбались и рычали в полумраке, когда я снова начинал задыхаться, их зубы сверкали в

тени.

— Кэрн. Дышите глубоко. Следуйте за звуком моего голоса. То, что вы видите, нереально. Это всего лишь отголоски. — Мужской голос прорезался сквозь ужасные образы.

Кто-то размахивал чем-то перед моим лицом, обмахивая меня своеобразным веером. Я был весь в поту. Смахнул слезы, не зная, происходит ли это на самом деле или это очередное воспоминание.

К моему шоку, Эрдос пытался помочь мне. Его суровое лицо было искажено нехарактерным для него беспокойством. Он нежно обдувал меня и поднес флягу к моим губам.

— То, что случилось до того, как вы пришли сюда. — Его слова были осторожно неопределенными. — Это был первый раз, когда вы увидели насилие, не так ли?

Я не мог заставить себя ответить.

— Так бывает иногда. Я видел это раньше, — Эрдос промокнул тканью мой лоб. — Некоторые люди после насилия выходят, казалось бы, невредимыми. Затем, спустя недели, даже месяцы, жестокость всего этого поражает их. Они начинают шарахаться от видений. Иногда они ломаются. — Он наблюдал за мной со знанием дела.

— Как мне это остановить? — Я все еще чувствовал, как горло сжимается, всё медленнее и медленнее.

— Берегите себя. Перестань винить себя во всех бедах.

Я впервые встретил его взгляд, потрясенный точностью его слов.

Он отошел от меня, давая мне пространство. — Думать так — это ловушка. Солдат не может взять на себя ответственность за всё. За сделанное вами, за то, что сделали с вами. Попытка нести ответственность за всё ведет только к безумию.

— Тогда что мне делать?

Лицо Эрдоса смягчилось, и впервые я заметил сходство между ним и Белларекс. — Это выбор. Его придется делать каждый день. Смотреть прошлому в лицо и принимать его таким, какое оно есть. Затем двигайся вперед.

Я попытался принять его слова близко к сердцу. Но дело в том, что его представление о движении вперед и моё были очень разными.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2480741>